

Вэн Фанган писал: «По сравнению со стихами Су Ши текстура поэзии Юань Хаовэня не может избежать некоторой грубоватости. Но ее элегантная форма была творением природы и в этом отношении он выделяется над толпой» [5; с.268].

Несмотря на то, что Вэн был сторонником формальных правил в поэзии, одновременно с этим он являлся апологетом творчества Ли Бо, не слишком следовавшего этим самым правилам. Он «использовал смесь филологических и философских аргументов, чтобы показать, что ученость, авторитет и утонченность Ли Бо, такие же элегантные и изысканные, как и у Ду Фу» [6; с.111].

Литература:

1. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах. - М.: Восточная литература, 2006 - 2008. – 856 с.
2. Хун Лянцзи. Бэйцзян шихуа.(洪亮吉. 北江詩話. 北京: 人民文學出版社, 1998) – Беседы о поэзии Бэйцзяна. - Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1998. – 112 с.
3. Цин Цяньлун Цзяцин Даогуан шици шисюэ. (清乾隆嘉慶道光時期詩學, 成都: 巴蜀書社, 2007) – Цинская поэтика эпохи правления императоров Цяньлуна, Цзяцина и Даогуана. Чэнду: Ба шу шушэ, 2007. – 188 с.
4. The Cambridge History of Chinese Literature. Part 2. (Kang-i Sun Chang, Stephen Owen). - Cambridge University Press, 2010. – 793 p.
5. Schmidt, Jerry Dean. Harmony Garden: the life, literary criticism, and poetry of Yuan Mei (1716-1799) / Jerry Dean Schmidt. - London, Routledge Curzone, 2003. – 758 p.
6. Varsano, Paula M. Tracking the banished immortal: the poetry of Li Bo and its critical reception / Paula M. Varsano. - University of Hawaii Press, 2003. – 381 p.

УДК 94-930.85

Мухаметзянов Рустем Равилович, к.и.н., доцент

Кафедра алтаистики и китаеведения

Институт Международных отношений, Истории и Востоковедения

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

rustemr@mail.ru

ОБРАЗ КИТАЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования образа Китая в России. Отмечаются основные этапы эволюции этого образа. В частности

отмечается важность XIX века на формирование усложненной образности Китая в российском восприятии.

Ключевые слова: Китай, Россия, культура, взаимодействие культур, XX век, революция, китаеведение, образование.

THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN SOCIETY. STATEMENT OF THE PROBLEM.

Muhametzyanov Rustem Ravilevich, PhD (History), assistant professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Russian Federation, Republic of Tatarstan,
rustemr@mail.ru

Abstract: The article analyzes the process of shaping the image of China in Russia. Notes the main stages in the evolution of this image. In particular, notes the importance of the XIX century on the formation of complicated imagery of China in the Russian perception.

Keywords: China, Russia, culture, interaction of cultures, the twentieth century, revolution, Chinese studies, education.

Формирование культурно-исторического типа связано с целым рядом факторов, которые оказывают влияние на рождение и развитие новой культуры. Некоторые из факторов исчезают или спустя некоторое время не оказывают существенного влияния, а другие влияют на культуру постоянно. К этой группе и относится диалог культур.

Взаимодействие культур начинается уже после прорисовки «лика культуры», и этот процесс уже не прекращается. По своей природе любая культура не может существовать в замкнутом пространстве, даже отрицание другой культуры предполагает ее сравнение с собой, что становясь фактом духовной жизни, не проходящим бесследно. Всякое сравнение характеризуется с самого начала отношением между «своим» и «чужим». Именно эта диалектика позволяет определить границы «своего», то есть себя, благодаря наличному бытию другого.

Вместе с тем необходимо учитывать не только диалогическую ситуацию между культурами, но и внутри культуры. Культура не представляет собой единства, она состоит из частей, которые взаимодействуют друг с другом. В то же самое время эти части взаимодействуют и с внешним миром. Поэтому вопрос о взаимовлиянии разных культур, о контактах в сфере художественного творчества, образовании, экономике - часть общей проблемы взаимоотношений народов. Это также вопрос об отношении к чужому историческому опыту, его усвоению или неприятию, что связано с особенностями национального самосознания, духовным климатом той или иной эпохи.

А это уже проблема информированности культуры о своем соседе. Уровень знаний о соседе зависит от множества факторов. Это и интенсивность

контактов, и уровень достоверности информации, и желание взаимодействовать друг с другом.

При всем этом самая серьезная проблема коммуникации в контексте «Восток – Запад» заключена в переводе смыслов с одного языка на другой, каждый из которых имеет множество семантических и грамматических особенностей.

Проблема эффективности культурного диалога может рассматриваться как по «вертикали» (т.е. между культурами разных эпох), так и по «горизонтали» (т.е. диалога разных культур, существующих одновременно). Но в любом варианте диалог культур будет идти через перевод смыслов, и это можно анализировать через проблему понимания. Термин «понимание» используется в двух смыслах: как фактор интеллектуальный, познавательный, и как сопереживание, в-чувствование. Сложность понимания обусловлена тем, что восприятие и поведение детерминированы стереотипами — идеологическими, национальными, сословными, половыми, сформированными у человека с детства.

Основной структурной единицей языка культуры, с точки зрения семиотики, являются знаковые системы. Знак — это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве объективного заместителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний). Это овеществленный носитель образа предмета, ограниченный его функциональным предназначением.

Любой язык культуры имеет природные предпосылки формирования, но сам не является природным явлением. Он формируется во взаимодействиях и коммуникациях совместно живущих людей. Это верно для западноевропейских языков, тогда как восточные языки (в первую очередь имеются в виду языки, в основе которых лежит иероглиф) имеют тесную связь с природой. Он не просто словесное овеществление, но и символ, несущий на себе огромную многоуровневую смысловую нагрузку. Китайский язык формировал не только структуру мира, но и закладывал символическое миропонимание, мировосприятие.

Человек, рожденный в определенной культуре, с малых лет усваивает смысл и назначение знаков, которые обуславливают коммуникацию людей. Однако «чужая» культура нередко оказывается странной, непостижимой. Поэтому вхождение в иную культуру сопряжено с раскрытием знаковой системы этой культуры. Язык символов – это такой язык, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли приобретают форму явственно осязаемых событий внешнего мира.

Процесс понимания начинается с формирования фантастического, загадочного образа другой культуры. Если культуры открыты для диалога, то первичный образ уходит и его место занимает другой более сложный и многогранный. Но это уже зависит и от степени контактов и от информации, которой культуры обладают.

Формирование образа Китая в нашей стране как раз связано с формированием образа «дикий страны». Этот процесс начинается в первой половине XVII в., когда стали поступать разноречивые сведения о диком государстве. Знакомство с Китаем начиналось с рассказов служилых людей и путешественников, которые бывали в тех далеких краях.

Первоначальный образ китайского общества складывался из простых рассказов, сухих сведений и наблюдений. Недостаток достоверных знаний сполна компенсировался слухами и сказками о земле китайской. Когда сведения доходили до столицы, они представляли собой уже не сухой и краткий рассказ, а историю полную сведений и подробностей, тем не менее, именно они формировали образ Китая.

Имела место известная идеализация Китая в тот период. Многие еще оставались непонятым или понятым ошибочно в результате искренних заблуждений. В общем плане Цинская империя представлялась достойным внимания партнером, налаживание торговых связей с которым могло принести результаты. Постепенно этот подход закрепился во внешней политике России, однако формы его реализации, приоритетные задачи менялись в зависимости от конкретных исторических обстоятельств.

В XVIII в. Китай рассматривался в России под влиянием просветительской философии, которая была очень популярна в те времена. В рамках этой философии возникло восприятие Запада, как цивилизации, быстро развивающейся по пути экономического и социального прогресса. Этому миру и противопоставлялся Восток.

Появились описания участников российских дипломатических миссий в Пекин с занимательными подробностями элементов этикета, бытового уклада, традиций. Все эти сведения, дополняя друг друга, давали представление о Поднебесной.

В это же время возникает мода на китайские вещи. Подданных Китая тогда в столице России практически не бывало, а вот «китайского» было уже немало. Это и «китайские кабинеты» во дворцах и китайские павильоны в парках. В то время в русском обществе для такой разнообразной китайской моды надолго утвердился термин «китайщина».

Китайщина стала модным художественным стилем. Но за этой модой скрывался еще и поиск новых форм, материалов и идей. Конечно, этот стилизованный мир имел мало общего с оригиналом, но он подобно первым рассказам о Поднебесной, формировал «свой» образ Китая в сознании россиян. Если знатоки искусства рассматривали дикий вещи с точки зрения их художественной ценности, то для аристократов это была модная часть их повседневной жизни. Восточная обстановка постепенно становилась знаком социального престижа, свидетельствующем о высоком статусе владельца. Увлечение китайскими вещами привело к формированию коллекций китайского искусства, а также к созданию предметов в «китайском вкусе».

Мода и как следствие потребность в китайских вещах не только развивали российско-китайские отношения, но и влияли на различные сферы в отечественной культуре. Фактически у нас появляется феномен или система

двух образов о Китае. Первый – это мир-сказка. Второй мир – данные дипломатов и путешественников, и именно он стал основой для становления отечественного китаеведения.

Особую роль в истории познания Китая российской общественностью сыграло XIX столетие. Именно в это столетие происходит формирование нового образа Китая. Это связано с целым рядом факторов, которые затрагивают не только XIX в., но и первую четверть XX в. Активизация межгосударственного взаимодействия позволила расширить сложившиеся ранее каналы поступления сведений о Китае и создать новые. Здесь можно отметить следующие моменты, оказавшие влияние на этот процесс:

- активизация российско-китайских отношений. Это и заключение целого ряда международных договоров, строительство КВЖД, русско-японская война;
- политическая ситуация в России в конце XIX – начале XX века была в какой-то мере близка к тому, что происходило в Китае (военные поражения цинов, боксерское восстание, попытка реформ, Синьхайская революция), и это вызывало интерес у самых широких кругов в России;
- появление в середине XIX в. китайской диаспоры, бесценный канал информации.

Под влиянием этих факторов образ Китая в сознании людей на протяжении всего XIX века существенно трансформировался. Информационный поток, поступавший в Россию, отличался уже большей достоверностью, чем в предшествующие столетия. На смену стихийной любительской деятельности пришел научный подход, который реализовался в науке о Китае.

В этих условиях китаеведение становится академической наукой, и ее знания находят свое применение в практической сфере. Стремительно развивающееся китаеведение начало находить своих сторонников в сфере дворянской и разночинной интеллигенции и получило поддержку общественных, политических, научных организаций и образовательных учреждений. Таким образом, можно говорить о том, что на формирование образа Китая начинает оказывать влияние и академическая наука.

Со второй половины XIX в. у китаеведов стали появляться все больше возможностей знакомить широкие слои населения с результатами своих исследований. К этому времени, благодаря путешественникам, дипломатам, ученым были собраны прекрасные образцы китайской культуры, которые легли в основу восточных фондов библиотек и музейных коллекций. В России же существовали постоянные академические и частные собрания, и создавались новые. Постоянные и временные экспозиции музеев формировали представления об основных занятиях населения, о быте различных слоев общества и, конечно, об искусстве.

Все это вело к тому, что в конце XIX – начале XX века образ Китая существенно усложнился. Образ сказочной страны ушел, но загадки остались. Поэтому, с одной стороны, Китай по-прежнему рождал фантастические образы в умах российской интеллигенции, а с другой – происходило и осознание качественного различия русской и китайской культуры.

Литература:

1. Васильев В.П. Воспоминания о Пекине // Открытие Китая и другие статьи академика В.П.Васильева. – СПб.: издание журнала “Вестник Всемирной истории”, 1900. – С.34 - 62.
2. Григорьева Т. П. Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком. // Культура, человек и картина мира. - М.: Наука, 1987. – С. 262 – 299.
3. Мыльников А.С. Основы исторической типологии культуры. – Л.: ЛГЭИ, 1979. – 167 с.
4. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. – М.: Наука, 1977. – 505 с.

УДК 341.24

Онегина Александра Евгеньевна,

*Кафедра мировой истории и международных отношений
Иркутский Государственный Университет
alexandra.oneg@gmail.com*

Шантур Юлия Витальевна,

*Кафедра мировой истории и международных отношений
Иркутский Государственный Университет
shantur_julia.2009@mail.ru*

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В КОНЦЕ XVII- НАЧАЛЕ XX ВЕКАХ.

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления русско-китайской границы.

Ключевые слова и фразы: русско-китайская граница, русско-китайские отношения, внешняя политика России и Китая.

Onegina Alexandra Evgenyevna,

*Department of World history and International relations
Irkutsk State University
alexandra.oneg@gmail.com*

Shantur Yulia Vitalyevna,

*Department of World history and International relations
Irkutsk State University
Julia_shantur.2009@mail.ru*

THE PROCESS OF FORMATION OF THE SINO-RUSSIAN BORDER IN THE END OF XVII – IN THE BEGINNING OF XX CENTURIES.